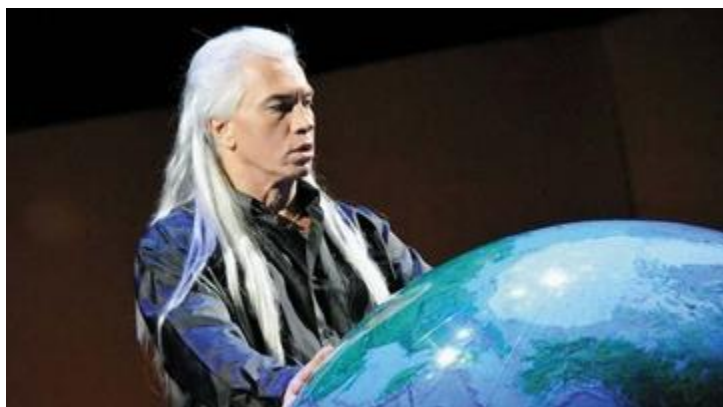

Демонические страсти

Театрализованное исполнение оперы Рубинштейна «Демон» прошло в Концертном зале имени Чайковского. Главную партию спел Дмитрий Хворостовский.

Те, кто слышал знаменитую запись Шаляпина с ариозо Демона («На воздушном океане...»), не зная всего музыкального текста оперы, могут предположить, что и прочие части партитуры так же выразительны. Но не случайно «Демон» идет редко. Опера по мотивам поэмы Лермонтова была написана композитором в 1871 году за три месяца. И современники, и потомки оценили партитуру двояко: наряду с яркими моментами и отдельными находками много заимствований, не без слащавости и общих мест. Музыка, впрочем, романтически-эмоциональная, наивно-эзотерическая, «предметно-выпуклая». В либретто, например, гроза или нападение – и в звуках вы это узнаете сразу. А что до эклектичности, так эстетическое время было такое – достаточно взглянуть на архитектуру той эпохи. Текст, частично построенный на тексте Лермонтова, дополнен банальностями либреттиста («красою ангельской сияют ее небесные черты») и смешными рифмами («станем» – «перестанем»), но именно поэтому легко усваивается.

Хворостовский давно мечтал спеть и сыграть амбивалентного (добро через зло) Демона и поделился мечтой с режиссером Дмитрием Бертманом. Дирижер Михаил Татарников внес, как водится при исполнении «Демона», купюры («убрали рыхлость», пояснил маэстро). Оркестр имени Светланова сыграл с

надлежащей романтической проникновенностью, а что певцов периодически заглушали, так это, увы, обыкновение наших оперных дирижеров и оркестров.

В убедительной постановке Бертмана все – и люди, и нелюди – мечтают об идиллии, которая никогда не наступит, а любовь и проклятье – синонимы. Продлевая «земное первое мученье» Демона, режиссер расставил акценты драмы существа, живущего в колебаниях от проклятий к пафосу и между небом и землей, в сложной связи с высшим миром «статичной правильности». Ради режиссерской концепции в зале сняли часть стульев и соорудили небольшой подиум. Места мало, но для Бертмана, привыкшего в своем театре работать с крошечным пространством, более чем достаточно. На подиуме уместилась пара глобусов – большой и маленький, два стула и стол с бутылкой вина и бокалами, из которых пригубливают персонажи. Стол – место встреч, которое изменить нельзя: это, по Бертману, не место действия, это судьба. Глобусы – вещь тоже принципиальная: Демон – гражданин мира, а у земных жителей есть свои, локальные миры. Задействованы проходы в партер, где появляется хор, и боковые портики над сценой (там много поют «витающие» над землей Демон – дух изгнания в черном, с длинными белыми волосами, и Ангел – жгучий брюнет в белом костюме). Задник сцены покрыт динамическими 3D-абстракциями: венгерский сценограф Ласло Бордос воплотил в них тот самый «воздушный океан», глубины космоса и тайны мироздания.

Опера Рубинштейна, как справедливо заметил Татарников, держится на исполнителях. Если не считать естественного для архитектуры Зала Чайковского «провала» акустики в том самом месте в партере, где стоит подиум (этот провал, несмотря на заботы постановщиков, смогли преодолеть лишь наиболее полетные голоса), ансамбль солистов подобрался удачный. Было заметно, что Хворостовский, как он сам сказал, наслаждается каждой минутой пребывания на сцене. Излучая фирменную харизму и отменную фразировку, он спел партию «носителя зла» довольно сдержанно, не пережимая в романтизме и демонизме, но схватывая в своем персонаже анархическую двойственную природу. Прекрасная партнерша Демона Асмик Григорян (Тамара) покорила сразу, как только – невинным агнцем – появилась на сцене в коротком платье и босиком, и потом, в эмоционально и плотски напряженной, почти эротической финальной сцене с Демоном. Ее голос звенел и сверкал поверх всех акустических ям, обращая то в беспримесное лучезарное счастье, то в кошмар сомненья. Совсем юному Ангелу (контратенор Вадим Волков – студент первого курса!) спеть партию, изначально написанную для меццо-сопрано, не составило видимого труда. Известный в мире бас Александр Цимбалюк (Гудал) был так же хорош в своей партии, как Лариса Костюк (Няня) или Дмитрий Скориков (Слуга) в своей. А

хор «Геликон-оперы», хоть иногда и расходился с оркестром (что немудрено, несмотря на усердие в репетициях и мониторы, если дирижер работает за спиной певцов), продемонстрировал похвальное мастерство в пластике и в умении приспособливаться к любым сценическим ситуациям.